

НАТАЛЬЯ ЮЛИНА

АЛТЫ ШАР

**Караван ведёт
Железная Доска**

Наталья Юлина
АЛТЫШАР. Караван
ведёт Железная Доска

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43018466

ISBN 9785005004406

Аннотация

Время путешествия Чокана Валиханова в Западный Китай (1858 – 1859 г.) похоже на наше. Произвол чиновников, коррупция, нарушение человеческих законов...

Содержание

Памятник. Глава первая	6
Юрта. Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

АЛТЫШАР. Караван ведёт Железная Доска

Наталья Юлина

Дизайнер обложки Наталья Коноплева

Редактор Наталья Коноплева

© Наталья Юлина, 2019

© Наталья Коноплева, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-0440-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ч. Валиханов

Герой повести «Алтышар» Чокан Валиханов в период его нелегальной командировки в Синьцзян, в город Кашгар в 1858 г.

Чокан Валиханов, путешественник, этнограф, переводчик поэзии, вложил в свою недлинную жизнь, 29 лет, такое количество опасных приключений, исследований, открытий, что иному ученому хватило бы их на 150 лет.

Памятник. Глава первая

*Когда над собаками лев голова,
Любая собака похожа на льва.
(Юсуф Баласагунский.
«Кутадгу билиг – Знание, дарующее счастье». бейт
2047)¹*

Ура, приехали. Место уместно. Ни ровно, ни гористо; ни ново, ни ветхо; ни тревожно, ни скучно. Солнце есть, но за тучей. Вылезаем из машины и складываем вещи под большим кряжистым деревом, похожим на дуб. Кто-то из-под дуба бежит вверх по холму. На его вершине – чугунный знакомый силуэт.

Валиханов-памятник с берегов метро Лермонтовская томится здесь на вершине, недоумевая, вглядывается в окружающее.

Погода устойчиво безопасная, и только едва заметные токи воздуха предупреждают: разгерметизация возможна. После тесноты машины радость, есть куда распространиться, чем подышать. Полдня мы ехали, втиснутые в узкое, душное пространство автобуса. Мы заскорузли и окуклились, и, вращаясь внутри своей души, загромоздились, поминутно на-

---

¹ В 1069 г. Юсуф Баласагунский закончил в Кашгаре поэму «Кутадгу билиг» («Знание, дарующее счастье»). Из этой поэмы в переводе Сергея Иванова взяты эпиграфы глав.

тыкаясь на себя. При этом мы не стали коллективом, ведь общих разговоров у нас не было.

Мы – это прежде всего архитектор Бек. Он автор мемориала Валиханова, вот мы к нему и приехали. Но только ли этот памятник он создал? Его работы известны и в далекой степи, и в не близкой Европе. И там и тут оригинальность, задор и беспечная радость успеха обеспечат признание, награды и премии в конкурсах трудных. Посмотри на него. Он как будто замкнулся в себе. Бесстрастно-отрешен и от нас, глупеньких, и от себя. Просто Конфуций. В самом деле, нельзя же представить себе философа бегущим, кричащим. Человек суетливый и нервный вряд ли станет лидером. Да, да, Бек молод, но велик. А великие люди должны ведь на чем-то стоять. На чем же? – На учениках.

Есть такой образ в китайской мифологии «мясо с глазами». Мяса много, а глаза маленькие, отрезай сколько надо, его от этого делается еще больше. Найти мясо с глазами – залог того, что с голоду не умрешь, что будешь жив.

Много чудесного создали древние китайцы для этой чудесной жизни. Вот и мясо с глазами. Пусть великий человек ничего о нем не читал, но как он может стать великим без той безликой, но с маленькими глазами толпы, верящей в то, что он велик. Чем больше он использует таких людей, тем больше их становится, и вот уже великий человек стал великаном.

Так и есть. Бек – великан. С нами двое его учеников, ас-

пирантов – Сережа и Шолпон.

Кто приехал еще? Я, да Майя. Мы из милости взяты. Я когда-то в журнале работал, а Майя психолог. Может, сгодимся, реклама великим нужнее, чем нам.

Сережа, светловолосый и тихий, не оживлен, но деятелен, как молодой послушник. И он действительно служит, только не Богу, а Беку. Сегодня приехал, чтоб поснимать последнее творение Учителя. Для конкурса ли, просто ли как пособие для студентов, мы не знаем. Заговаривает с нами только с одной целью, выяснить для себя, насколько мы готовы принять новую веру. Впрочем, если и хочет обратить нас, то исключительно для нашей пользы. Так ангел-хранитель, желая нам блага, в случае нашего сопротивления не только не применяет террора, но даже не повышает голоса. Одним словом, Сережа кроток, а кротость, как объяснил писатель, признак страстности природы.

В отсутствие Бека Сережа рассказывает нам, что тысячи студентов, русских, казахских, а также уйгурских, корейских, немецких, косяками, как перелетные птицы, ходят за своим кумиром.

Они ловят слова и на лекциях тесно сидят всей толпою. Завороженно слушают гул шесть веков как промчавшихся конниц. Ловят блики костра, где травы несгорающий запах – наркотик. И светлеют их лица, когда глина, вращаясь, от еле заметных касаний, встает словно лебедь. И на стенах, как лебедь летящий, синие символы жизни трепещут. Берегущая

сила штриха охраняет того, кто увидит. Разве это возможно без Бека?

Восхищает он всех широтой, бескорыстной любовью к студенту. Он на равных со всеми, но всех опекает, как бек. И карты и тушь без него не достанешь. – Кумир.

Нет, Бек действительно умница. Не только архитектура, но фольклор, но эпос, преданья, приметы, – культура казахов, вот Беков конек.

Шолпон, как и Сережа, из Бековой рати, но характер другой. Если Бек, аристократ в своем деле, прост в обращении, ближе богеме, чем нам, то к Шолпон на кривой козе не подъедешь. Под слоем румян на юном лице, как в броне неприступности детской, гордо и молча шагает, будто не видя вокруг. Шолпон, Санчо Пансо для Бека, не отходит от рыцаря, втайне надеясь, что все ж Дульсинея она.

Но как только строитель, рабочий, смотритель завидели Бека, – бегут, окружают, ведут. Нрав у начальника мягкий, и никто, ни художник, ни сторож не откажутся что-то серьезное Беку навесить.

И, Венера по-русски, Шолпон сиротеет: какие мы рыцари – так.

Итак, мемориал. Это – холм с чугунным Валихановым на вершине, система каналов вокруг, и музей, поражающий неизбежностью странного. Здание-создание не только странно, но и естественно.

Первоначальная программа проста. Это с треугольными отворотами киргизская шляпа из твердого фетра. Потом шляпа вышла в открытый космос Бековой фантазии. Получилась рифовая колония острых углов. Высота стены равна высоте каждого из треугольников над ней. В некоторых точках срастания отворотов, но всегда в неожиданном месте, прямо на вас нацелена дубина с обломанным концом. Из-за полости внутри можно предположить, что это берцовая кость мамонта с отломанным суставом. Мамонта, бродившего в обледенелой степи много тысяч лет назад. И вот Бек увидел в остатках скелета прообраз водостока.

Оказалось не так. Мамонт мимо прошел. Водосток – лишь фаллический символ. Не спорим, но Валиханов причем, ар-

тефакт этот, кажется, Собакевича дому служил.

Мы ходим по зданию внутри, обходим его снаружи. Мы – уже не мы, потому что все порознь. Шолпон гордится, Бек работает, Сережа изредка поглядывает на нас, то и дело исчезая. То взлетит на островерхое завершение, как золотой петушок, то убежит вдаль, чтобы поймать нужный ракурс. В самом деле, здание-создание меняется с каждым шагом. Закон срастания отворотов не дается в руки, хотя лезет в глаза. Хочется осознания. Отходим от музея.

Шолпон неприступна. Ни с кем, ни полслова. Деревянной походкой идет, с нами, а как будто одна. Что-то с девочкой не то.

Сережа вызывает уважение, но вместе странное чувство. Истово служит, но вдруг замирает. О чем? Что-то не так? Самый юный из нас, но на этой земле погостить ему год остается. Об этом потом.

Почему это в степи, пока еще не слишком жарко, чувствуешь себя так легко, как будто здесь ускорение свободного падения ощутимо меньше. Интересно, а как в этом месте чувствовал себя Валиханов? Пользуясь временным освобождением от избытка мыслей, оглядимся.

Вот Бек выходит из дверей, а кто это за его спиной? Какие-то непонятные знаки делает руками. Кто это? Человек так мал и тонок по сравнению со своим спутником, что кажется бесплотным. Оба скрываются за стеной музея.

Ну, что ж, допустим, что этот, небольшого роста, худень-

кий человек и есть наш герой.

Юрта. Глава вторая

*Посмотришь, все люди идут караваном,
И негде им стать
долговременным станом.
(бейт 1386)*

Нет, это не Валиханов, посмотри получше, это инженер-строитель, видишь, они с Бекком прошли в мастерскую..

А мы поднимаемся вверх к памятнику, чтобы увидеть все сразу, понять замысел архитектора. Жара, и чугунный Чокан притулился к холму, как казанская сирота. Стихийный солнечный террор. Даже истукан, кажется, трепещет.

Здание слышится мелодией, по казахской традиции, идущей от пяток, но не такой уж сложной. Мы, по русской традиции, слушаем мелодию, как недоступную в принципе.

Когда спускаемся, жара оглушает, и мы входим в музей пустые. Лишь на Шолпон и погода, кажется, никак не влияет. Гордое, напряженное лицо девочки, попавшей в переделку. Когда еще и попадать в переделку, как не в детстве. В зрелом возрасте переделать тебя кто захочет, вернее, кто сможет?

Сразу за нами двери музея Бек открывает, за ним его свита. Бек окликнул: «Шолпон». Что с лицом ее стало. Взгляни, красота. Другие глаза, рот. Нос, кажется, тоже на глазах хорошеет. Вмиг оказалась девушка рядом с кумиром. И тотчас, два слова услышав, к нам возвратился усталый боец по-

сле боя. Погашены чувства, уснули стремленья, воля в кулак, чтоб хотя бы себя не утратить. Что-то тихо сказала Сереже, он не расслышал, пришлось еще раз.

Любопытство мучило меня. Улучив минуту, когда Сережа оказался рядом, а Шолпон отошла рассматривать костюм XIX века, спросил у юноши, что такое Бек сообщил своей поклоннице. Сережа очень твердо, хотя и вежливо, ответил: «Она не поклонница, она ученица. Бек велел уезжать ей со всеми сегодня. Шолпон мечтала поработать рядом с учителем». «Что ж так?» спросил я. Сережа пожал плечами, улыбнулся: «Нет посадочных мест».

И тут подходит к нам Бек. Я почувствовал себя неловко. Хотя музей, определенно, нравился, но говорить комплименты мне не по вкусу.

Бек и не требовал никаких восхищенных восклицаний. Сначала несколько слов Сереже, что-то про ракурсы и углы наклона. Потом приблизился к Шолпон, что-то ей сказал, отошел. Шолпон горела ярким, багровым пламенем. Мы, невольные свидетели сцены, старались не смотреть в их сторону. Но в этот момент Бек исчез, кажется, надолго, если не до конца дня.

Итак, мы внутри музея, и нам нет дела до отношений современников.

Аягөз өзені жағасындағы балбал тастардың қырынан көрінісі.
Ш.Уәлихановтың қауырсынмен салған суреті. 1856 жыл.

Помещение устроено как винтовая лестница вокруг центра.

Все колючее, ежистое, современное, временное, сверкнув белой полосой, остается за порогом. Полумрак, прохлада, ничего яркого, раздражающего. Мы вошли в убежище, имя которому юрта. В центре узел нарядных веревок с массивными кистями, как на знаменах. Потолок, вылетев из центра, то падает на вас, то взмывает к небу. В местах низкого

потолка можно ложиться спать, тем более, что под ногами мягкий ковер, – вы уже чувствуете потолок, как покрывало. Там, где потолок поднят, ощущение воздуха и неба. Кажется, юрте не будет конца, мы взбираемся все выше и выше, и самое интересное впереди, хотя, может быть, не на прямом пути, а как-нибудь в сторону. И шаги, и звуки голоса пропадают в момент появления, потому что все затянуто коврами и полотнами. В этом неотражающем, снопоподобном мире бессмысленны условности, ибо вы внутри одной из них, и собственная непредсказуемость вставлена в правила игры. Музей настраивает на восприятие самого себя. Слушай, как отзывается твоя душа на этот полусумрак, на эти, проверенные традицией, порции воздуха, на символы в орнаментах и культовые предметы. Ведь ты не знаешь их значения, тем легче тебе. Ты увидишь просто линии рисунка, просто веревки и кисти, просто копья и конские черные волосы на них, и неразгаданность чужой жизни будет шевелиться в тебе и расти от эмбриона заинтересованности, что в тот день зародилась, до самостоятельной черты твоего характера, черты уважения и восхищения другими народами, другой жизнью.

Возвращаемся. Сойдя с ковра и обувшись, выходим. Сразу приходится закрыть глаза, потому что солнце, хотя и прикрытое легким облаком, до такой степени обелило пространство, что зрение его больше не воспринимает. Тот самый дуб оказался единственным деревом в округе. Валиханов на хол-

ме упирается затылком в знойное марево и, кажется, не приходит в себя. Белый песок крошится в белую пыль, и пылью накрахмаленный воздух топорщится и царапает кожу. Жарко не той ослепительной, ясной, трезвой жарой, обыкновенной в этом климате, но толчками и прилипаниями жара идет по жилам, по коже, по волосам.

Перед музеем работает бульдозер, то и дело скрываясь в клубах пыли под оглушительный грохот. Мы, и с нами Шолпон, ныряем в пыль и выныриваем из нее. Шолпон превратилась в девочку в ситцевом платье. Жара не позволяет людям надолго задерживаться в выдуманном, будь то чувство превосходства или холодное презрение. Впрочем, очевидно, любовь размягчила сердце юной одалиски.

Любовь неразделенная или разделенная формально, может, если она переживается долго, переделать характер. Любовь, вообще-то, может все. Может замкнуть человека на себя, может, наоборот, открыть его миру. Может ожесточить, может размягчить. Может, наконец, разбудить в человеке гения, может зверя. Шолпон сделалась человеком.

Ее простые мысли, просто выраженные, производят больше впечатления, чем напускная серьезность. Правда, излишняя целеустремленность осталась, и в этом есть опасность, что, перерастая собственные эмоции, человек начисто отвергнет себя прежнего или усомнится в своем ближнем. Скажет, да, это была не я, или да, теперь это не он. Он это, он. Да и ты тоже все ты.

Снаружи становится невыносимо, и мы ищем спасения внутри музея. Теперь, входя в музей, ощущаешь духоту на клеевой подкладке. Исчезли люди, а в начале было их много. Что-то прибывали, сновали с разными предметами. В низкой части пространства лежит на спине рабочий, он клеил покрытие пола, да на ковре устланной приступке неподвижно сидит второй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.